

**Ю. В. Пущаев**

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ  
М. В. ЛОМОНОСОВА, МОСКВА, РОССИЯ

# Природа и типология разных видов советского консерватизма<sup>1</sup>

**Аннотация.** В статье ставится проблема советского консерватизма: каковы были охранительные силы и механизмы, присущие советскому строю? Поскольку любому обществу должны быть присущи свои консервативные тенденции, можно говорить об элементах консерватизма и в советском обществе, культуре и идеологии. Тем не менее размышления над этой проблемой сталкиваются, прежде всего, с трудностью эпистемологического характера: в каком смысле вообще можно говорить о советском консерватизме? Ведь советское время определила марксистская идеология, которая носила радикально революционный и прогрессистский характер, даже сам эпитет «консервативный» носил в советское время однозначно негативный характер. Тем не менее отмечается, что в позднесоветское время можно было быть советским консерватором, желать сохранения СССР и не являться при этом сторонником коммунизма и марксизма. В статье содержится тезис, что невозможно говорить о советском консерватизме как о какой-то единой сущности. В разные эпохи можно выделять разные виды советского консерватизма, которые вступали друг с другом в отношения борьбы и противоречий. Кроме того, разные виды советского консерватизма можно считать таковыми лишь условно, потому что все их пронизывали или служили фоном революционно-прогрессистские элементы господствующей идеологии. В статье намечена

---

<sup>1</sup> Данная статья является расширенной версией ранее опубликованной статьи «К вопросу о советском консерватизме» (Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3: Философия. Реферативный журнал. — 2020. — № 4. — С. 6–26).

примерная общая типология советского консерватизма: культур-гуманистический советский консерватизм, проленинский советский консерватизм, сталинский советский консерватизм, просталинский советский консерватизм, ситуационный брежневский консерватизм, советский консерватизм несоветских авторов и мыслителей. В статье констатируется, что СССР во многом погубила, подвела к краху дефектность и недостаточность его условно консервативных, охранительных сил и начал. О советском консерватизме как о феномене можно говорить лишь с очень большой долей условности, как о различных превращённых, неестественных противоречащих друг другу «консервативных» и квазиконсервативных идеологических течениях, которые не складываются в единое целое.

**Ключевые слова:** советская эпоха, консерватизм, советский консерватизм, сталинский консерватизм, брежневский консерватизм, шестидесятники, М. А. Лифшиц, Вс. А. Кочетов, А. Н. Яковлев

**Для цитирования:** Пущаев Ю. В. Природа и типология разных видов советского консерватизма // Ортодоксия. — 2022. — № 4. — С. 25–51. DOI: 10.53822/2712-9276-2022-4-25-51

В последние годы в научно-исследовательской и публицистической литературе возникла тема советского консерватизма — тема достаточно неожиданная, но эвристичная и почти ещё не изученная. Обычно мы оправданно связываем советскую эпоху с радикальным революционным сознанием и установками, с чем-то, что в принципе противоречит консервативной идеологии и консервативным устремлениям. Советское общество и государство базировались на идеологии, которая вообще провозглашала бесконечный прогресс, отмирание государства и построение бесклассового общества (коммунизма) как свою главную цель. Казалось бы, какие тут в принципе возможны охранительные общественные механизмы, раз теория им полностью противоречит?

Но, с другой стороны, нужно учесть, что ведь и правда, у любого общества, просуществовавшего сколько-нибудь длительное время, должен быть свой консерватизм. То есть ему должны быть присущи свои, свойственные лишь ему консервативные силы, тенденции и механизмы, которые должны защищать и охранять, хранить то, что способно

позволить этому обществу устойчиво существовать и развиваться. В этом контексте оправдана постановка проблемы советского консерватизма как минимум в двух аспектах. Во-первых, был ли у советской эпохи и советского строя (режима) свой консерватизм и каким он был? Во-вторых, этот вопрос имеет сегодня не только историческое, но и актуальное значение, поскольку сама его постановка проблематизирует размышления о том, что следует унаследовать от советского периода и относительно чего можно желать его продолжения и творческого развития и в дальнейшей российской истории.

Проблема советского консерватизма — во многом проблема эпистемологическая: в каком смысле о нём вообще можно говорить? Уже само это словосочетание по обозначенным выше причинам может показаться «сапогами всмятку», чем-то вроде знаменитого «деревянного железа» Хайдеггера. Его составные части представляются инородными друг другу понятиями, чуть ли не антонимами. Советская эпоха — эпоха победившей радикальной революции, которая ставила своей целью строительство совершенно нового мира и разрушение мира старого как «мира насилия». Эпитет «консервативный» употреблялся в советское время лишь в отрицательном смысле и отрицательных контекстах, как синоним «реакционного», противоположного всему прогрессивному и революционному. Советская эпоха в своих начинаниях и исходных замыслах, её мыслителями и протагонистами характеризовалась как эпоха антиконсервативная, направленная по прямой в будущее, в бесконечный прогресс, в то время как консерватизм, напротив, обращается к прошлому как к своей опоре, в том числе апеллируя к сохранению наличного состояния дел и допуская лишь постепенное улучшение настоящего.

Тем не менее проблема советского консерватизма — проблема эвристичная, которая требует мышления, имеющего вкус к сложным проблемам. Мешать при разборе этой темы могут штампы и предрассудки как политизированно антисоветские, так и просоветские. К последним относится, например, соблазн идеологического сглаживания радикальных разрывов русской истории, отрицание из благих намерений наличия пропасти между дореволюционным и послереволюционным, советским периодами русской истории. Это тоже уводит от честной попытки понимания, которая, на мой взгляд, тем не менее начинается с какого-то даже «нутряного чувства», что советский период — это тоже русская история, которая в то же время отделена от предыдущего этапа разрывом,

пропастью. Но и советский исторический период нужно понять и прожить в своём понимании как часть русской истории. Никто из нынешних радикальных антисоветских консерваторов (условно «белые») не является поручиком и князем Голицыным, который вдруг прямоком шагнул из дореволюционного в наше время. Другого прошлого у нас теперь нет. До сих пор у всех у нас в той или иной степени советский бэкграунд: у тех, кто постарше, — годы жизни в сознательном уже возрасте в СССР (а значит, во многом советское воспитание и образование); у тех, кто помладше, — как минимум советское происхождение и биографии их родителей, дедушек и бабушек.

Предварительно зафиксируем важный тезис опять же несколько парадоксального характера: в советское время при определённых условиях и определённой установке ума вполне можно было быть умеренным советским консерватором, не будучи коммунистом и даже совершенно не разделяя марксистско-ленинской идеологии. Например, такую позицию из прагматических соображений можно было занимать в Советском Союзе во второй половине 1980-х годов, не желая наметившегося резкого слома социального порядка. Такая позиция была выражена в известной статье «Похищение сабинянок» Льва Сигала, опубликованной в журнале «Век XX и мир» в апреле 1991 года, чуть более, чем за полгода до окончательного распада СССР. В ней было предсказано очень многое и, в частности, дан довольно точный диагноз состояния умов советской интеллигенции крупных городов на тот момент: «В среде российской интеллигенции (и шире — проживающих в крупных городах “белых воротничков”) скопился разрушительный заряд большой мощности, энергия этого сословия приобрела антигосударственную и, по существу, антиобщественную направленность» (Сигал 1991: 17).

И правда, чтобы быть тем, кого можно назвать умеренным просоветским консерватором на излёте СССР, уже не надо было разделять коммунистические догмы и считать Ленина и Сталина не только непревзойдёнными гениями, но даже (вот парадокс) положительными героями русской истории. Нужно было лишь оппонировать радикальным критикам режима с целью защиты «порядка», сложившегося уклада жизни от угрозы их тотального обрушения и грозящей социально-культурной и экономической деградации. Другое дело, что ментальность советского человека, воспитанного на культе революции и революционных ценностей, чуть ли не автоматически блокировала возможность сформироваться

подобному умеренному консерватизму как значимой идеологической и социально-политической силе, что, впрочем, отмечал в этой статье и сам автор: «Официальная пропаганда десятилетия героизировала “великих бунтарей”, начиная со Спартака, сторонников же охранительного направления изображала “махровыми реакционерами”. Сам культ Февраля и Октября — великий соблазн для охотников “перевернуть Россию обратно”. Неудивительно, что пропагандистский официоз пожинает собственные плоды» (Сигал 1991: 17). Советский режим, идеологически настраивавший на постоянную революционность как некую константу хотя бы во внутренней политике («социализм в одной стране» в этом смысле не слишком отличался от «перманентной революции» Троцкого), выступил в каком-то смысле своим собственным могильщиком.

Приведём большую цитату из Льва Сигала, ёмко передающую основной смысл его статьи и поясняющую, что значит быть советским консерватором, не придерживаясь в то же время марксистско-ленинских взглядов:

«Согласно античной традиции, римский народ первоначально состоял только из мужчин. Сподвижники Ромула пошли на хитрость: они пригласили на празднества соседнее племя сабинян и в разгар его напали на гостей, похитив девушек-сабинянок. Сабиняне воевали с Римом, однако не смогли восстановить справедливость. Прошло изрядное время, прежде чем им удалось собрать силы для нанесения обидчикам серьёзного удара. Бой шёл уже между римских холмов, когда к сражавшимся выбежали похищенные некогда женщины.

Как пишет Плутарх, они обратились к своим соплеменникам с такими словами: “Чем оскорбили мы вас, чем провинились перед вами, что нам, вытерпевшим уже лютое горе, приходится терпеть его вновь? Нас похитили насильно, противозаконно те, кому мы принадлежим в настоящее время. Но, когда нас похитили, наши братья, отцы и близкие так долго не вспоминали о нас, что мы принуждены были соединиться самыми тесными узами с предметом нашей жесточайшей ненависти и теперь должны бояться за тех, кто увёл нас, поправ законы, — когда они сражаются, и плакать по ним, когда они умирают! Вы не явились мстителями нашим оскорбителям за нас, девушек, теперь же лишаете жён — мужей, детей — их матерей. Помощь, которую вы оказываете теперь нам, несчастным, хуже вашего прежнего равнодушия к нашей судьбе и предательства”.

И тогда был заключён мирный договор, на основании которого сподвижники Ромула и сабиняне слились в единый римский народ.

...Обсуждая легитимность нынешнего советского режима, уместно вспомнить прецедент сабинянок. Похищение девушек было грубым попранием законности, но от их брака с похитителями возникли семьи, родились дети, а потому запоздалое отмщение было для них не благом, а злом.

Нет сомнения в том, что большевики захватили власть незаконными средствами, но за прошедшие десятилетия корни пущены в почву так глубоко, что перепаживать её — значит вновь раскрутить Красное Колесо.

Нынешний режим легко критиковать с тех же позиций, с которых революционеры всех времён и народов обличают исторически легитимные режимы, но обличать его в 1991 году как “большевистский и узурпаторский” — теперь уже глупо» (Сигал 1991: 12–13).

Это было опубликовано в апреле 1991 года, в понимании того, что подавляющее большинство тогдашнего советского народа — дети и внуки, потомки похищенных сабинянок. Поэтому, по мысли автора, крайне опрометчиво радикально отказываться от советского периода и опять начинать «строить новую жизнь» с чистого листа, полностью отринув прошлое. Однако подобные трезвые соображения и настроения в тогдашней интеллигентской среде были непопулярны.

СССР не хватило охранительных начал. Они оказались слишком слабы, чтобы остановить распад и крах советского государства. Но что обусловило слабость и дефектность советских охранительных начал?

Поставив эту проблему уже из сегодняшнего дня, мы вынуждены называть и считать консерваторами тех, кто себя так не называл, для кого само это слово имело отрицательный смысл и кого, как правило, тоже никто так не называл. Но проблема, разумеется, не просто в отсутствии этого названия или самоназывания. Это в свою очередь следствие того, что то, что мы будем подводить под разные виды советского консерватизма, было разновидностями сложных, во многом даже противоречивых феноменов общественной мысли, идеологической культуры и политики. Принимая изначально себе не свойственные охранительские функции, они в то же время поэтому были пронизаны противоположным по своей сути, революционно-прогрессистским содержанием.

Нам легко могут поставить в упрёк, что мы приписываем советской идеологии и её интеллектуальной истории, её деятелям то, к чему

они сами не стремились сознательно и с чем они бы не согласились категорически, что мы поэтому тут сами запутались и блуждаем. Но я тут буду утверждать, что в целом само советское — крайне сложный и запутанный феномен. Советское общество и государство были весьма необычными историческими образованиями, и соответствующие им виды или типы охранительства тоже могут оказаться не вписывающимися в привычный вид и классификацию мутантами.

Тема и проблема советского консерватизма уже ставилась в научно-исследовательской литературе и публицистике. Петербургский историк русского консерватизма В. М. Камнев написал по этой проблеме несколько статей. В центре первой статьи «Советский консерватизм как историософская проблема» (Камнев 2009) находится тема «марксистского консерватизма» Михаила Лифшица. Во второй статье под названием «Феномен советского консерватизма: историософское обоснование» (Камнев 2019), написанной в соавторстве, с опорой на концепт *Restavratio magna* того же Лифшица, делается более обширная попытка проследить в целом историю и существование того, что можно назвать советским консерватизмом, указать на его разные вариации в советской истории. При чтении второй статьи Камнева, впрочем, невозможно не заметить, что автор некоторые значимые мысли и положения заимствует из статьи Я. Бутакова «Советский консерватизм: шансы на будущее», опубликованной ранее на интернет-ресурсе [www.apn.ru](http://www.apn.ru), ещё в 2005 году<sup>2</sup>. Поэтому пионером темы советского консерватизма, насколько нам сейчас известно, можно считать скорее Я. Бутакова.

При всей эвристичности указанных работ и новизны поставленной проблемы нельзя не заметить, что в них почти не проанализировано исходное понятие или концепт. Под одну и ту же рубрику советского консерватизма без каких-либо дальнейших различий попадают во многом разные идеологические феномены из разных периодов советской истории, которые играли различную роль в советской политике и идеологии и которые, как мы вкратце покажем далее, нередко находились в непримиримых и противоречивых между собой отношениях.

Тут, прежде всего, нужна понятийная ясность. Когда начинаешь вдумываться в эту тему, то приходишь к выводу, что на самом деле

<sup>2</sup> Бутаков Я. Советский консерватизм: шансы на будущее // Агентство политических новостей. — 2005. — 21 июня. — URL: <https://www.apn.ru/publications/article1445.htm> (дата обращения: 28.08.2022).

существовали разные виды советского консерватизма, и их нельзя подвести под одну непротиворечивую внутреннюю рубрику и тем самым вычленивать, определить советский консерватизм как единую, более или менее монолитную сущность. Соответственно, рассказ о советском консерватизме нельзя вести как своего рода нанизывание на одну единую нить разных явлений. Разные виды советского консерватизма слишком плохо сочетаются друг с другом, чтобы можно было сделать вывод о каком-то едином советском консерватизме. Каждый из них словно бы пытался сохранить и защитить какую-то одну сторону советской эпохи, действительности и истории и не охватывал, не мог сохранить целое. А внутри этого целого они плохо сочетались друг с другом, даже противоречили друг другу.

Одно из главных различий, которое не позволяет мыслить советский консерватизм как единую сущность, — это разница между собственно консервативными тенденциями (консервативные идеи и тенденции, существовавшие в советское время) и стремлением к сохранению советского строя, советских традиций, советских учреждений и т. п. Ведь быть «советским» и «существовать в советское время» — это разные вещи! И в советское время у немалого количества людей существовало стремление к сохранению каких-то традиционных элементов царского времени. Это можно назвать консервативной тенденцией, которая могла совмещаться с желанием сохранять советский строй, но могла и не совмещаться. В понятии же советского консерватизма эти тенденции незаметно переплетаются, и отделить их друг от друга порой очень непросто.

В чём-то это различие аналогично различию между советской философией и философией советского времени. Если первая вписывалась и придерживалась марксистско-ленинских канонов, то вторая была шире и, более того, могла отступать от первой и противоречить ей, насколько позволяли социальные и цензурные условия. В то же время это перекрещивающиеся явления, которые жили во многом в симбиозе, существуя в одну и ту же историческую эпоху.

Далее в нашем обзоре мы сосредоточим внимание преимущественно на тех видах советского консерватизма, которые изнутри советского строя были ориентированы на его сохранение. Необходимо провести анализ разных исторических и идеологических явлений, попадающих под рубрику советского консерватизма, выделить его типы и виды. Так разговор о советском консерватизме может стать более отчётливым, приобрести хотя бы некоторую исходную понятийную ясность. И из него бу-



дет ясно, что разные виды так называемого советского консерватизма, как они случились в истории в качестве реальных сил и умонастроений, не могли выступить в единстве, а по отдельности были слишком слабы.

## **ПРИМЕРНАЯ ОБЩАЯ ТИПОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО КОНСЕРВАТИЗМА**

Укажем сначала на самое общее и элементарное историческое деление в семействе советских консерватизмов: собственно советский консерватизм (советский консерватизм советского времени) и постсоветский советский консерватизм. Первый существовал в советское время, внутри советской эпохи и советского строя, преимущественно (но не полностью!) в рамках советской идеологии и советской общественной мысли. У него, в свою очередь, есть разные виды, в том числе которые, как уже отмечалось, плохо сочетаются друг с другом.

Постсоветский советский консерватизм — это советский консерватизм, существующий уже в наше время. Он возник уже *post factum*, когда самого советского общества уже больше не существовало, и носит во многом ностальгический характер. Он тоже включает в себя разные виды и может варьироваться от радикального желания практически стопроцентной реставрации советского строя до умеренного просоветского консерватизма. Последний больше говорит о желательности удержания в дальнейшей российской истории отдельных сторон советской эпохи, отстаивании частично положительного характера советского строя.

В данной статье мы далее вкратце, в качестве скорее даже в виде неких пролегомен наметим общую типологию советского консерватизма, отдавая себе отчёт в том, что, во-первых, эта типология неполна и, во-вторых, каждый из выделенных типов достоин стать темой отдельного обширного исследования или ряда исследований.

## **ТИПОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО КОНСЕРВАТИЗМА**

### **1. Философский, культур-гуманистический советский консерватизм**

Здесь имеется в виду, прежде всего, парадоксальная идея советского философа-марксиста и эстетика М. А. Лифшица о революции как силе

хранительной. Михаил Лифшиц в тридцатые годы выдвигает концепцию великих консерваторов человечества, среди которых он называет Аристофана, Платона, Аристотеля, Шекспира, Бальзака, Гегеля и т. д.

Эта его мысль имеет как минимум двойственное содержание. С одной стороны, в противовес социологическому вульгаризаторству в тогдашнем советском литературоведении Лифшиц стремился удержать и подчеркнуть непреходящую важность для коммунистической России и марксистского мировоззрения классического искусства и классических форм культуры, руководствовался стремлением отстоять их в борьбе с вульгаризаторскими, пролеткультовскими тенденциями, которые подавали великих творцов прошлого преимущественно лишь как выразителей соответствующих классовых интересов.

С другой стороны, Лифшицем руководило стремление показать неотрывность классических форм человечности, выработанных великим искусством прошлого, от теории и практики коммунизма как идеологии в целом. В принципе, это ещё один поворот той темы, что марксизм претендовал быть законным преемником и наследником высших культурных достижений, на чём настаивал Ленин. Лифшиц на самом деле был в глубине своего мировоззрения во многом романтиком революции и революционного гуманизма и верил, что радикальная коммунистическая революция, даже временно впавшая в сталинский бонапартизм, способствует раскрытию *объективной* истины бытия, объективно существующего Абсолюта. В этом смысле классические идеалы прошлого были для Лифшица предшественниками коммунистического общественного идеала.

В то же время Лифшица по большому счёту, конечно, нельзя считать консерватором в собственном смысле этого понятия, как мы привычно его употребляем. Его стремление подобным образом утвердить в коммунизме консервативное содержание носит всё же во многом декларативный характер, похоже на заявку кандидата в наследники, наследственные права которого вызывают сильные возражения. В главном Лифшиц всё равно оставался убеждённым марксистом и романтиком революции. Специфика марксистско-ленинской ортодоксальности Лифшица состоит в том, что он в значительной степени не принял в том числе сталинский условно консервативный поворот второй половины 1930-х. Он был сторонник ленинской политики нэпа, союза советской власти с иностранным капиталом и «диалектического применения лучшего в буржуазном праве

и товарном хозяйстве». Для него были принципиально неприемлемы «тиски иерархии и социального неравенства», «азиатско-царистские формы автаркии», «феодално-чиновничьи пережитки» при демократии и социализме (Лифшиц 2004: 32, 34, 43). В целом нельзя забывать, что Лифшиц крайне критично относился к тому, что социализм не миновал стадии «сталинского бонапартизма» и «культы личности», который характеризуется, в частности, сохранением черт контрреволюции в революции: старорежимный чиновничий аппарат, «методы царизма, утеснения» (Лифшиц 2004: 34). А ведь классический консерватизм спокойно и с пониманием относится и к социальному неравенству, и к феодализму, и т. д.

Мы тут сталкиваемся с той кардинальной проблемой, что разные виды советского консерватизма нельзя подвести под единую рубрику. Условный консерватизм Михаила Лифшица — лишь один из видов советского консерватизма, вступающий в противоречия и конфликтные отношения с другими его видами.

## 2. Проленинский советский консерватизм

В то же время условно выделяемые нами разные виды или типы советского консерватизма могут быть одновременно представлены, переплетены у одного и того же исторического деятеля или идейного течения, причём они могут при этом находиться как в противоречащих друг другу, так и в родственных отношениях. В этом смысле можно говорить, что культур-гуманистический консерватизм Лифшица был тесно переплетён с тем, что мы назвали проленинским советским консерватизмом, который был характерен для более широкого слоя деятелей советской культуры и который потом стал мутировать в иные идеологические конструкции.

Приметой консервативного мировоззрения может считаться и тяга к истокам, к исходным традициям и прошлому, задававшему некий канон. В этом смысле под проленинским советским консерватизмом можно понимать широко распространившееся после XX съезда КПСС стремление к возвращению к очищенным от сталинских искажений социализма «ленинским нормам» в самых разных сферах, от политики до искусства, которые представляли для его сторонников как некий безусловный канон и подлинное основание советского государства и общества.

Оттепель тоже была своего рода обращением к истокам — истокам возникновения советского государства, когда у его руководства стоял

Ленин. Для движения шестидесятников в собственно 1960-е были характерны апелляция к остаткам внутрипартийной демократии большевиков в первой половине 1920-х годов, противопоставление Сталину Ленина, критика того, что они называли отчуждением разных форм общественной жизни, романтическое увлечение эстетикой гражданской войны и искренняя захваченность строительством «нового мира» (на эстетическом уровне такому консерватизму соответствовала, например, песня Окуджавы про «комиссаров в пыльных шлемах»).

Но это тоже было крайне противоречивое явление. Недаром к нему в 1960-е принадлежали как те, кто так и остался верен Ленину в лице Ильенкова, Лифшица и их учеников (которых со временем становилось всё меньше и меньше), так и те советские интеллигенты и деятели культуры, которые со временем перешли на позиции либерализма и отреклись от марксизма и коммунизма.

Конечно, и это идеологическое течение тоже только очень условно можно считать консервативным, ведь одновременно оно, как и ленинизм в целом, было направлено на постоянное революционизирование. Это идейное движение апеллировало к революционной традиции, первым революционным годам Советской власти, что практически автоматически подразумевало не стабилизацию и удовлетворённость наличным состоянием дел, а, напротив, дальнейшее продолжение революции. Такая направленность в итоге повлекла за собой расшатывание, а потом и разрушение установленного социального и культурного порядка, что и выразилось в перестройку, одним из лозунгов которой был «есть у революции начало, нет у революции конца». В данном случае за исходный образец было взято принципиально неустойчивое, переходное время социального переустройства, самое начало советского государства, когда оно во многом было еще *in statu nascendi* (лат. «в стадии рождения»). Это были самые первые годы советской эпохи, и только позже общество и государство отливаются в устойчивые сталинские формы.

Парадокс, что во многом именно из проленинского советского консерватизма вывели шестидесятничество и программа перестройки, которая в итоге переросла в либеральную революцию, похоронившую СССР. Пример с проленинским консерватизмом важен, чтобы показать, насколько причудливо в случае с феноменом советского трансформируется и выглядит привычная понятийная идеологическая сетка. То, что в «нормальных условиях» выглядит как очевидный признак

консерватизма (апелляция к истокам и первым вождям, к начальным традициям), в данном случае одновременно оказывается практически своей противоположностью. Уже в семидесятые годы в кругах интеллигенции становится всё меньше и меньше веры в Ленина и в Октябрьскую революцию, а апелляция к ним становится способом прикрытия по большей части либеральных целей и установок. Эту маскировочную программу достаточно откровенно выразил «архитектор перестройки» и главный её идеолог А. Н. Яковлев: «После XX съезда в сверхузком кругу своих ближайших друзей и единомышленников мы часто обсуждали проблемы демократизации страны и общества. Избрали простой, как кувалда, метод пропаганды “идей” позднего Ленина. Надо было ясно, чётко и внятно вычленить феномен большевизма, отделив его от марксизма прошлого века. А потому без устали говорили о “гениальности” позднего Ленина, о необходимости возврата к ленинскому “плану строительства социализма” через кооперацию, через государственный капитализм и т. д.

Группа истинных, а не мнимых реформаторов разработала (разумеется, устно) следующий план: авторитетом Ленина ударить по Сталину, по сталинизму. А затем, в случае успеха, Плехановым и социал-демократией бить по Ленину, либерализмом и «нравственным социализмом» — по революционаризму вообще. <...>

Советский тоталитарный режим можно было разрушить только через гласность и тоталитарную дисциплину партии, прикрываясь при этом интересами совершенствования социализма. <...> Оглядываясь назад, могу с гордостью сказать, что хитроумная, но весьма простая тактика — механизмы тоталитаризма против системы тоталитаризма — сработала. <...> Например, мои работы и выступления 1987–1988 годов, частично и 1989 года были густо напичканы цитатами из Маркса и особенно из Ленина. Благо что у Ленина можно найти сколько угодно взаимоисключающих высказываний и практически по любому принципиальному вопросу»<sup>3</sup>.

В 2003 году Яковлев в интервью «Независимой газете» говорил, что ещё в 1985 году предложил Горбачёву план изменений в стране, однако Горбачёв ответил, что пока «рано». По мнению Яковлева, Горбачёв тогда ещё не думал, что «с советским строем пора кончать». Надо полагать, что Яковлев тогда уже думал? «Для пользы дела приходилось и отступать,

<sup>3</sup> Яковлев А. Н. Предисловие // Чёрная книга коммунизма. — URL: <http://www.agitclub.ru/gorby/ussr/blackbook1.htm> (дата обращения: 28.07.2022).

и лукавить. Я сам грешен — лукавил не раз. Говорил про “обновление социализма”, а сам знал, к чему дело идёт»<sup>44</sup>.

Искренние же и убеждённые коммунисты, которые до конца оставались верны Ленину и Марксу, такие, например, как философы Э. В. Ильенков и М. А. Лифшиц, очень скоро почувствовали себя в одиночестве, своего рода марксистскими ископаемыми на фоне становившейся всё более либеральной научной и культурной среды. Сначала искренними поклонниками Ильенкова, членами его своего рода неформального кружка были многие будущие лидеры либерального шестидесятиничества. Однако в ходе своей идейной эволюции многие вышедшие «из квартиры Ильенкова» философы-шестидесятники становятся эзоповыми глашатаями иных, советских ценностей.

Таким образом, и этот вид советского консерватизма считать таковым можно лишь очень и очень условно. В нём было много совсем иных составляющих, которые вступали друг с другом в причудливое взаимодействие. В нём была сильная реформаторская, квазипротестантская составляющая. Э. Ю. Соловьёв в своей статье «Философия как критика идеологий. Часть II» определяет дело шестидесятников в философии, обратившихся к «настоящему Марксу», как попытку философской реформации марксизма. «Над их начинанием смело можно было бы поставить ренессансно-реформаторский девиз: “Ad fontes!” (“Назад к источникам!”). Это безоговорочно справедливо в отношении Эвальда Ильенкова — ключевой фигуры тогдашнего идейного брожения. С решительностью и энергией, отличавшей экзегетиков-евангелистов XVI века, Ильенков обратился к первомарксизму. За пару лет до XX съезда партии, заявившего о восстановлении ленинских норм жизни, он призвал вернуться к Марксовым нормам мышления» (Соловьёв 2017: 6).

**3. Сталинский консерватизм** в 1930–1940-е годы — это некий поворот, частичный и очень ограниченный, к русским дореволюционным традициям с целью укрепления общества в сфере семейной политики, образования, обороны и внешней политики. Происходит, например, возвращение к традициям русской воинской славы и легализация Русской Православной Церкви в годы войны, ещё большее

<sup>44</sup> Яковлев А. Н. «Я говорил про обновление социализма, а сам знал, к чему дело идёт» // Независимая газета. — 2003. — 2 декабря. — URL: [http://www.ng.ru/ideas/2003-12-02/1\\_yakovlev.html](http://www.ng.ru/ideas/2003-12-02/1_yakovlev.html) (дата обращения: 28.07.2022).

усиление бюрократически-номенклатурного начала в обществе. Конечно, такой поворот во многом был противоположен самому началу революционных годов Советской власти и находился в непростых отношениях с двумя прежде обозначенными нами подвидами советского консерватизма как разновидностями проленинской утопии.

С точки зрения радикального революционного сознания, выразителем которого был, в частности, Л. Троцкий, сталинский частичный консервативный поворот был отступлением от идеалов революции. Казалось бы, можно утверждать, что в этом сталинском повороте проглядывает нечто общее, какие-то общие черты России царской и советской. Однако эти консервативные или квазиконсервативные тенденции 1930–1940-х годов были всё-таки слишком слабы, имели подчинённый характер и применялись скорее в тактических целях, ради сохранения советского общества как общества в сути своей революционного и коммунистического, как базы будущей мировой революции. Однако следует всё же отметить, что в сталинском частично-консервативном повороте были и заметные элементы смягчения прежней радикальной революционной политики (например, то же отношение к Церкви).

#### **4. Просталинский консерватизм**

Как реакция на оттепель, XX съезд КПСС и борьбу с культом личности, частичную либерализацию при Хрущёве возникает то, что можно назвать просталинским советским консерватизмом. Если характеризовать его в главных общих чертах, то он состоял в защите фигуры Сталина и безусловно положительной оценке его политики, требовал укрепления порядка и возвращения к сталинской репрессивной политике, «завинчивания гаек», не принимал либеральных послаблений в сфере искусства и культуры, говорил о необходимости сделать железный занавес таким же прочным, как прежде, и т. д. Ему грезилась новая стальная рука как испытанный способ справиться с тем, что не вписывалось в «социалистический образ жизни»: коррупция, фарцовка, новые веяния в искусстве, требования полной свободы творчества, преклонение перед Западом и т. д. В атмосфере «брежневского застоя» эти явления получали всё большее распространение, что рождало обратное стремление — вернуться к сталинской политике.

У этого вида советского консерватизма с точки зрения сохранения режима, безусловно, была своя логика и своя правда. Советский строй

в сталинский период характеризуется наибольшей прочностью и устойчивостью. Именно при Сталине были заложены основы устойчивого существования СССР и была одержана «победа социализма в одной стране». Была построена мощная промышленность и проведена коллективизация, созданы советская наука и искусство, культура в целом. Сталин 30 лет возглавлял советское государство и международное коммунистическое движение. Просталинские консерваторы понимали, что нападение на Сталина и низвержение его с пьедестала было рано или поздно чревато нападением на самые основы советского социализма, фактическим зачёркиванием этих основ. Так что защитники Сталина были правы в своих опасениях, что свободная и легальная, разрешённая властями критика «вождя народов» через ряд промежуточных ступеней легко может перейти в уничтожающую критику коммунизма и коммунистической идеологии, Ленина и Октябрьской революции, как, собственно, и произошло в годы перестройки. Критика сталинского периода советской истории в рамках советской системы всё-таки оказалась уничтожающей критикой самой этой системы, прологом её исторической самоаннигиляции.

Ярким образцом просталинского консерватизма того времени является роман видного советского писателя Всеволода Кочетова «Чего же ты хочешь?». Кочетов был главным редактором журнала «Октябрь», который в тогдашнем литературно-публицистическом мире являлся оплотом просталински-консервативных сил, противостоящих либеральному «Новому миру» А. Твардовского. Вышедший в 1969 году в «Октябре» этот роман Кочетова был чрезмерно радикален для брежневской системы, и его решились издать только один раз — в Минске в 1970 году, а после он вообще ни разу не переиздавался ни в СССР, ни в постсоветской России. Он даже не вошёл ни в одно собрание сочинений этого писателя.

Написанный с литературной точки зрения весьма посредственно, роман всё же является весьма любопытным произведением. Во многом это идеологический манифест, изложенный в художественной манере соцреализма. Его главную сюжетную линию составляет история приезда в СССР и путешествия по советским городам группы западных якобы специалистов по истории русского искусства, которые на самом деле являются агентами секретных служб, но должны заниматься даже не собственно шпионажем, а идеологическим разложением советского общества. Кочетов проницательно увидел главную опасность для советского



общества и строя, от чего он и рухнул — падение вследствие внутреннего идеологического разложения. Правда, в романе, по Кочетову, это разложение преимущественно организуется Западом и им стимулируется. Не отрицая этого воздействия, всё же возразим, что только им объяснить крах СССР невозможно. По нашему убеждению, помимо прочего будущее предклонение перед Западом и своего рода капитуляция перед ним была предзаложена в марксистской идеологии и философии, которая была материалистична и ориентирована на внешнее богатство и изобилие. СССР рухнул тогда, когда советские люди поняли, что материальный достаток в рамках советского строя никогда не сравняется с западным. Они тогда наивно захотели и для себя такого же, западного образа жизни.

Тем не менее Кочетов, пожалуй, угадал, что СССР победят не на полях войны, а на культурно-идеологическом фронте. Правда, сам писатель верил в живучесть и силу советского строя, но всё случилось гораздо быстрее, чем он сам, наверно, мог ожидать в качестве нежелательного варианта событий.

Вот что говорит один из героев «Чего же ты хочешь?», куратор группы идеологических диверсантов, о цели их поездки в СССР:

«...покончить с коммунизмом мы обязаны. Мы обязаны его уничтожить. Иначе уничтожит нас он. Вы, немцы, чего только не делали, чтобы победить Россию, Клауберг. И массовое истребление людей, и тактика выжженной земли, и беспощадный террор, и танки “тигр”, и орудия “фердинанд”. И всё же не русские, а вы были разбиты. А почему? Да потому, что предварительно не расшатали советскую систему. Вы не придали этому никакого значения. Вы ударились о монолит, о прочные каменные стены. Может быть, вы надеялись на стихийное восстание кулаков, как русские называли своих богатых крестьян? Но кулаков коммунисты успели раскулачить, и вам достались одни обломки — на должности сельских старост, полицаев и иных подсобных сил. Вы надеялись на старую интеллигенцию? Она уже не имела никакого влияния. Она растворилась в новой рабоче-крестьянской интеллигенции, да и сама давно переменила свои взгляды, поскольку коммунисты создали ей все условия для жизни и работы. Вы надеялись на политических противников большевизма — троцкистов, меньшевиков и прочих? Большевики своевременно их разгромили, рассеяли. <...> Неверный метод. Лучшие умы Запада работают сегодня над проблемами предварительного демонтажирования коммунизма, и в первую очередь современного советского общества.

Говорящий налил себе содовой воды в стакан, отпил несколько глотков, вытер губы платком.

— Так вот, — продолжал он. — Работа идёт со всех направлений и по всем направлениям. Они, коммунисты, были всегда необычайно сильны идеологически, брали над нами верх незыблемостью своих убеждений, чувством правоты буквально во всём. Их сплочению способствовало сознание того, что они находятся в капиталистическом окружении. Это их мобилизовывало, держало в напряжении, в готовности ко всему. Тут уж ни к чему не прицепишься, никак не подберёшься. Сейчас кое-что обнадёживает. Мы исключительно умело использовали развенчание Сталина... Но это потребовало, господа, работы сотен радиостанций, тысяч печатных изданий, тысяч и тысяч пропагандистов, миллионов и миллионов, сотен миллионов долларов. Да, так вместе с падением Сталина, продолжая, нам удалось в некоторых умах поколебать и веру в то дело, которое делалось тридцать лет под руководством этого человека. Один великий мудрец нашего времени — прошу прощения за то, что не назову вам его имени, — сказал однажды: “Развенчанный Сталин — это точка опоры для того, чтобы мы смогли перевернуть коммунистический мир”. Русские, конечно, тоже всё поняли. В последние несколько лет они возобновили своё коммунистическое наступление. И это опасно. Им нельзя позволить вновь завоёвывать умы. Наше дело сегодня — усиливать и усиливать натиск, пользоваться тем, что “железный занавес” рухнул и повсюду, так называемо, наводятся мосты. Что мы делаем для этого? Мы стремимся накачивать их кинорынок нашей продукцией, мы шлём им наших певичек и плясунов, мы... Словом, их строгая коммунистическая эстетика размывается. И ваша “операция”, герр Клауберг, — сказал он на чистейшем немецком языке, — послужит одним из мостиков, одним из троянских жеребёночков, которых мы постоянно преподносим партийным москвитам!» (Кочетов 2021).

Кочетов даёт в своём романе обширную панораму отрицательных явлений, как он их понимает с позиций своего сталинского консерватизма, которые уже изнутри начинают подтачивать советское общество: «кокетничающие» с религией поэты и художники (в одном из них, художнике Антонине Свешникове, в качестве прототипа угадывается Илья Глазунов), фарцовщики и молодые любители рок-музыки и т. д. На эти внутренние явления и делают ставку внешние враги, именно с их помощью и через них они надеются идеологически разложить советское

общество, потому что только так, считают они в романе Кочетова, можно победить СССР. Ввиду такой явной двойной угрозы автор и говорит устами своего главного героя и alter ego писателя Василия Булатова о необходимости нового «завинчивания гаек». Поэтому особое раздражение оппонентов Кочетова вызывала едва прикрытая апология репрессий и 1937 года. Вот что писал в своём дневнике по поводу «Чего же ты хочешь?» А. Твардовский: «Дементьев вычитывал мне некоторые места из новой штуки Кочетова. Устами положительного отца разъясняется положительному сыну, что едва ли не первым условием нашей победы была ликвидация пятой колонны, то есть 37-й и 39-й годы. В чьих-то ещё устах сетования о голубе, заменив <шем> серп и молот. Намёки, “личности”, подсазки, науськивания.

И вместе с тем едва прикрытое (“Я не тебя имею в виду, ты понимаешь меня”) неприятие нынешнего руководства (или части его), которое, мол, “ни либералы, ни консерваторы”.

Отчётливый призыв к смелым и решительным действиям по выявлению и искоренению “отдельных”, то есть людей из интеллигенции, которые смеют чего-то там размышлять, мечтать о демократии и пр.

Очень сходное всё с тем, что говорил Щербина (“наш КГБ — богдельня”, “поставить 1 миллион к стенке — и всё будет ясно и спокойно”).

Это уже никакая не литература, даже не плохая, — это общедоступная примитивно-беллетристическая форма пропаганды подлейших настроений и “идей” с ведома и одобрения.

Дементьев говорит, что уже в киосках не достать № 9 “Октября”; давал мне чистый (без подчеркиков Лакшина и др.). Лакшин, говорит Д[ементьев], считает, что если это не будет обрублено в печати, то через два (?) года нам быть на виселице»<sup>5</sup>.

## 5. Ситуационный брежневский консерватизм

Откровенно просталинских взглядов, выразителем которых в своём романе выступил Вс. Кочетов, придерживалась лишь относительно небольшая часть как советской интеллигенции, так и советских идеологических работников и партийно-советского руководства. Как выход из их противостояния с шестидесятниками и сторонниками

<sup>5</sup> Твардовский А. Т. Рабочие тетради 60-х годов. — URL: <http://znamlit.ru/publication.php?id=2501> (дата обращения: 28.06.2022).

дальнейших реформ побеждает «средняя линия». Возникло то, что можно назвать ситуационным брежневским консерватизмом.

Эпоха правления Брежнева (1964–1982) получила не совсем справедливое наименование застоя. С одной стороны, это, пожалуй, наиболее стабильная эпоха в советской истории, когда и правда было достигнуто относительное экономическое и культурное благополучие для подавляющего большинства населения. Однако с точки зрения влияния и возможностей это был зенит могущества СССР как во внутренней, так и во внешней политике. Устойчиво развивалась и экономика. Однако вследствие выбора условно средней линии (она же — идейный тупик) идеология «развитого социализма» привела к утрате перспективы в развитии общества. Во главе Советского Союза встали те, кого Кочетов в своём романе назвал «ни либералы, ни консерваторы». Целью политики стало лишь удержание статус-кво. Нежелание и невозможность сделать новый мобилизационный рывок, угасание советской пассионарности были следствием изначальной утопичности марксистского коммунизма.

Возвращение «назад к Сталину» тоже было невозможно. Большинство высшей номенклатуры устало жить под дамокловым мечом как сталинских чисток, так и хрущёвского волюнтаризма с его постоянными неэффективными реорганизациями. Советские руководители в своём большинстве выбрали стабильность за невозможностью иного. Выбранная политическая линия избегала любых крайностей: как просталинских, так и антисталинских. Сталина перестали разоблачать, но и снова восхвалять его тоже не решились. Он стал во многом фигурой умолчания. Скупое говорилось о нём как о верховном главнокомандующем, об индустриализации и коллективизации, и очень скомкано — о репрессиях и нарушениях социалистической законности. Угасание советской пассионарности и требование непрерывного роста удовлетворения материальных потребностей вело к постепенному обуржуазиванию СССР с психологической точки зрения, делало невозможным прежний аскетизм первых советских десятилетий.

Наименование «застоя» эта эпоха получила в первые годы перестройки, пока общественное сознание ещё оставалось советским. Советский менталитет был нацелен на непрерывное прогрессивное развитие и стабильность, даже относительно сытую и благополучную, воспринимал как нечто не совсем правильное с идейной точки зрения.

Между тем можно предположить, что тогдашних «старцев из Политбюро» обуревали предчувствия, сходные с теми же, которые в своё время руководили охранительской политикой Победоносцева. Что любое отчётливое движение как вперёд, так и назад чревато обрушением всей общественной системы, и поэтому они предпочитали держаться статус-кво «развитого социализма».

## **6. Советский консерватизм «Русской партии»**

«Русская партия» — так называются представители идейного течения, сформировавшегося к 1960-м годам и широко представленного в 1970-е годы. Несмотря на термин «партия», с организационной точки зрения это была очень аморфная совокупность единомышленников, состоящая из отдельных партийных функционеров и публицистов и авторов так называемых патриотических журналов — преимущественно «Нашего современника» и «Молодой гвардии».

Это идейное течение стремилось реабилитировать и восстановить в весомых исторических правах русское дореволюционное прошлое, дать ему прописку в тогдашней идеологии, устранить тот радикальный разрыв между исторической и Красной Россией, возникшей в октябре 1917 года. Его представители стремились советский строй фундаментализировать на традиционных русских ценностях, представить русскую и советскую историю как единый исторический поток. Официальной пропагандой прошлое России до 1917 года изображалось, за редким исключением (петровские реформы, войны за независимость России, революционное движение и т. д.), в сугубо негативном свете. В программной же статье Виктора Чалмаева в журнале «Молодая гвардия» за 1968 год (№ 8) история России представляла как единый процесс, где «народ понимает, что нет у него никакого иного наследия в мире верней, чем родной “Саврасушка”, чем та историческая колея, по которой он где в гору, где через “пропасти” шёл века и идёт сейчас к коммунизму» (Чалмаев 1968: 288). На этом историческом пути, по Чалмаеву, «то путём эволюции, то при помощи революционного взрыва» народ шёл «к более прогрессивным» формам государства и общественного сознания, направляемый «духовными вождями»: причём не только советскими государственными деятелями, но ранее — даже и священнослужителями, и самодержцами. Так, с точки зрения Чалмаева, например, деятельность патриарха Гермогена для своего времени была не менее значима, чем

деятельность В. И. Ленина для своего: оба они, каждый на своём историческом этапе, были «духовными вождями» нации.

Патриотические публицисты (национал-коммунизм на новом этапе, они как своего рода преемники «Смены вех») выдвигали в качестве высших ценностей радикальное противостояние Западу и народное, национальное единство перед лицом внешней военной угрозы и «американизма духа». Но против идей и успеха «Русской партии» играло то, что марксизм был всё же слишком западничеством учением.

Публицистическая деятельность и значимость «толстых» патриотических журналов более подробно рассмотрена в другой статье этого же номера — «“Толстые” патриотические журналы в СССР: истоки их традиции, их круг и оппоненты» С. А. Смагина. Здесь отметим, что круг и идеи «Русской партии» встретили яростное сопротивление представителей других внутрисоветских идеологических течений того времени, от официальной пропаганды до криптолиберальных прозападных кругов (а часто первое служило тогда уже маской прикрытия для второго). Примером этого является знаменитая статья высшего партийного функционера А. Н. Яковлева «Против антиисторизма» в Литературной газете<sup>6</sup>. В целом аморфная «Русская партия» была менее организована и пользовалась гораздо меньшей поддержкой в среде интеллигенции, из-за чего и проиграла в перестройку либералам. Тем не менее как некий её ренессанс и воспроизведение на новом этапе части её идей может рассматриваться сегодняшний идейный и общественно-политический период в жизни страны.

Отметим также плохую изученность данной темы на сегодняшний момент. Основной монографией по этой теме до сих пор является книга Н. А. Митрохина «Русская партия: Движение русских националистов в СССР. 1953–1985 годы» (Митрохин 2003), впрочем, весьма информативная, но написанная с отчётливо либеральных позиций. Нам же нужна «наша» история «Русской партии».

## 7. Несоветский советский консерватизм

Совершенно отдельную разновидность советского консерватизма составляет несоветский советский консерватизм. К нему принадлежат мыслители и публицисты, которые жили в советское время и которые, не являясь марксистами и коммунистами и даже противостоя им

<sup>6</sup> Яковлев А. Н. Против антиисторизма // Литературная газета. — 1972. — 15 ноября. — № 46.

с мировоззренческой точки зрения, тем не менее выступали в поддержку Советской власти и желали сохранения СССР.

Это достаточно широкий спектр взглядов и направлений, начиная от сменовеховцев и евразийцев и заканчивая такими авторами, как, например, Г. М. Шиманов и В. В. Шульгин со своей книгой «Опыт Ленина», где он говорит, что желает продолжения для России опыта Ленина. Поэтому правильнее было бы говорить, что это направление само, в свою очередь, разбивается на различные подвиды, потому что несоветские, но просоветские авторы высказывались в пользу сохранения Советской власти по разным основаниям. Желание продолжить и одобрить советский опыт, «опыт Ленина», могло возникать по соображениям державно-государственным (СССР как наследник Российской империи, восстановивший и даже преумноживший её мощь) (Василий Шульгин) или, например, в надежде на трансформацию советского социализма в новое издание православной государственности (Геннадий Шиманов).

В данной статье нет никакой возможности хоть сколько-нибудь развёрнуто говорить об этом виде несоветско-советского консерватизма в силу обширности и сложности предмета. Он и его подвиды достойны стать предметом отдельных исследований. Нам здесь важно лишь указать на само его существование, что опять подчёркивает, что само по себе понятие «советский консерватизм» слишком абстрактно и пусто без его дальнейшей конкретизации и дифференциации. Как мы видим в итоге, разные виды так называемого советского консерватизма находятся в разной степени напряжённых, вплоть до непримиримости, отношениях друг с другом: проленинский и сталинский, сталинский и брежневский и т. д.

При этом большинство выделенных нами видов советского консерватизма всё равно пронизывают (пусть и в разной степени) такие антиконсервативные черты, в целом присущие советскому проекту и советской идеологии, как воинствующий атеизм, вера в исторический прогресс, культ человеческого разума и науки, антропологический оптимизм, преимущественно негативная оценка дореволюционного прошлого России, претензия на социальное экспериментаторство в глобальных масштабах, и т. д. Они как вступают в противоречие с выделенными нами консервативными тенденциями, так и задают некий основной фон и рамку, основание, из-за которых о советском консерватизме как о феномене можно говорить лишь с очень большой долей условности. Он состоит из различных превращённых (неестественных) и во многом

противоречащих друг другу «консервативных» и квазиконсервативных идеологических течений, которые, как мы видим, не складываются в единое целое.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Камнев В. М. Советский консерватизм как историософская проблема // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. — 2009. — № 3. — С. 172–182.

Камнев В. М., Камнева Л. С. Феномен советского консерватизма: историософское обоснование // Вестник Санкт-Петербургского университета. — 2019. — № 1. — С. 43–55.

Кочетов Вс. А. Чего же ты хочешь? — Минск : Беларусь, 1970. — 480 с.

Лифшиц М. А. Что такое классика? — М. : Искусство XXI век. — 2004. — 512 с.

Митрохин Н. А. Русская партия: Движение русских националистов в СССР. 1953–1985 годы. — М. : НЛО, 2003. — 624 с.

Сигал Л. И. Похищение сабинянок // Век XX и мир. — 1991. — № 2. — С. 12–21.

Соловьёв Э. Ю. Философия как критика идеологий. Часть II // Философский журнал. — 2017. — Т. 10, № 3. — С. 5–31.

Чалмаев В. А. Неизбежность // Молодая гвардия. — 1968. — № 9. — С. 259–289.

### *Сведения об авторе:*

**Пущаев Юрий Владимирович** — кандидат философских наук, старший научный сотрудник философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник ИНИОН РАН, 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1, e-mail: putschaev@mail.ru

### *Конфликт интересов:*

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 01.10.2022; одобрена после рецензирования 08.11.2022; принята к публикации 17.12.2022.



# Nature and Typology of Different Types of Soviet Conservatism<sup>7</sup>

**Yu. V. Pushchaev**

LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY,  
MOSCOW, RUSSIA

**Abstract.** The paper poses the problem of Soviet conservatism. What protective forces and mechanisms were inherent in the Soviet system? Since any society should have its own conservative tendencies, one can also talk about elements of conservatism in the Soviet society, culture and ideology. Nevertheless, reflections on this problem lead to an epistemological difficulty. In what sense can we talk about Soviet conservatism in general? After all, the defining worldview of the Soviet period was Marxist ideology, which was radically revolutionary and progressive. Even the word “conservative” was then perceived in a decisively negative way. Nevertheless, it is noted that in the late Soviet society it was possible to be a Soviet conservative, wishing for the preservation of the USSR but disapproving of communism and Marxism. The paper states that Soviet conservatism cannot be described as a single entity. In different epochs, different types of Soviet conservatism can be distinguished that struggled with each other and contradicted each other. In addition, the distinction between them is a bit of conditional, because all of them were permeated by the revolutionary-progressive elements of the dominant ideology or stood out against a background of the latter. The paper outlines an approximate general typology of Soviet conservatism: cultural-humanistic Soviet conservatism, pro-Leninist Soviet conservatism, Stalinist Soviet conservatism, pro-Stalinist Soviet conservatism, situational Brezhnev conservatism, and Soviet conservatism of non-Soviet authors and thinkers. It states that the

---

<sup>7</sup> This paper is an expanded version of the previously published paper *Revisiting Soviet Conservatism* (К вопросу о советском консерватизме) [Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 3: Philosophy. Abstract Journal. 2020. No. 4. Pp. 6–26].

USSR was largely brought to the collapse by the defectiveness and insufficiency of its conditionally conservative, protective forces and principles. It is only with a very high degree of conditionality that one can talk about the phenomenon of Soviet conservatism, understanding it as a set of transformed, unnatural, and contradictory conservative and quasi-conservative ideological currents that do not add up to a single whole.

**Keywords:** Soviet era, conservatism, Soviet conservatism, Stalinist conservatism, Brezhnev's conservatism, sixties, M.A. Lifshitz, Vs. A. Kochetov, A. N. Yakovlev

**For citation:** Pushchaev, Yu.V. (2022). Nature and Typology of Different Types of Soviet Conservatism. *Orthodoxia*, (4), 25–51. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2022-4-25-51

## REFERENCES:

Chalmaev, V. A. (1968). Neizbezhnost' [Inevitability]. *Molodaya gvardiya*, 9, 259–289. [In Russian].

Kamnev, V. M. (2009). Sovetsky konservatizm kak istoriosofskaya problema [Soviet Conservatism as a Historiosophical Problem]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*, 3, 172–182. [In Russian].

Kamnev, V. M., Kamneva, L. S. (2019). Fenomen sovetskogo konservatizma: istoriosofskoe obosnovanie [The Phenomenon of Soviet Conservatism: A Historiosophical Justification]. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta*, 1, 43–55. [In Russian].

Kochetov, Vs. A. (1970). *Chego zhe ty khochesh'* [What Do You Want]. Minsk: Belarus'. [In Russian].

Lifshitz, M. A. (2004). *Chto takoe klassika?* [What Classic Is]. Moscow: Iskusstvo XXI vek. [In Russian].

Mitrokhin, N. A. (2003). *Russkaya partiya: Dvizhenie russkikh natsionalistov v SSSR. 1953–1985 gody* [Russian Party: The Movement of Russian Nationalists in the USSR. 1953–1985]. Moscow: NLO. [In Russian].

Sigal, L. I. (1991). Pokhishchenie sabinianok [The Abduction of the Sabine Women]. *Vek XX i mir*, 4, 12–21. [In Russian].

Solovev, E. Iu. (2017). Filosofiya kak kritika ideologii. Chast' II [Philosophy as a Critique of Ideologies. Part II]. *Filosofskii zhurnal*, 10(3), 5–31. [In Russian].

***About the author:***

**Yuri Vladimirovich Pushchaev** — Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher at the Faculty of Philosophy at Lomonosov Moscow State University, Senior Researcher at Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 1, Leninskie gory, Moscow, Russia, 119991; e-mail: putschaev@mail.ru

***Conflict of interest:***

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 01.10.2022; approved after reviewing 08.11.2022; accepted for publication 17.12.2022.